Автор: Артур Скальский © Русский репортер РЕЛИГИЯ, РОССИЯ 3104 07.02.2009, 12:16 147

Где границы православия

С приходом нового патриарха церкви придется ответить на гораздо более серьезные вызовы, чем в период постсоветского возрождения. Что такое современная православная церковь?

Какую роль играет православное христианство в жизни общества? Должно ли его стать больше и если да, то в чем это будет выражаться? И, наконец, главное: Россия — православная страна по сути или только «по национальности»? За ответом на эти вопросы корреспонденты «РР» отправились туда, где церковь соприкасается с людьми, — в монастырь, в приход, в мир.

Монах: «Люди выбирают необременительное православие»

В монастыре Флорищева пустынь живут веселые люди. Едва войдя в его ограду и нажав на интеркоме кнопку «настоятель», мы стали героями монашеского анекдота.

— Вам отца Варнаву? — дверь открыл высокий худой монах со всклокоченной бородой.

— Да, он нас ждет.

— Настоятель сейчас отдыхает после трапезы, — в голосе монаха звучали нотки заговорщицкого сожаления: мол, вот такой дурной у нас игумен, видите, с кем жить приходится, и ведь ничего не поделаешь. — Пойдемте, я вас пока накормлю, а то ведь на голодный желудок и мысль умная в голову не придет.

Тридцать шагов на север — и мы в трапезной. Внутри принимают пищу несколько насельников, три немолодые трудницы и ребенок-инвалид. Увидев их, наш монах стушевался, как будто он тут совсем никто и звать его никак. Хотел даже выйти и за дверями подождать, но потом все же набрался храбрости, провел нас за стол и поспешно ретировался.

Отобедав, мы снова пошли жать кнопку интеркома. За дверью показалось уже знакомое лицо.

— Ну, проходите.

Внутри, кроме нашего чудного монаха, никого не было.

— Так вы и есть отец Варнава?!

— Он, — с каким-то горьким сожалением ответил один из самых авторитетных наместников в Нижегородской епархии.

Когда его определили сюда настоятелем, в монастырских стенах «подвизались» всего два бомжа, один с подбитым глазом, другой — с обыкновенным. Это до революции Флорищеву пустынь называли «второй Лаврой», это был один из популярнейших монастырей России. Сегодня местная братия состоит из четырех монашествующих: кроме самого настоятеля это эконом, отец Владимир, иеромонах Александр и престарелый отец Никон. Храмы, стены, корпуса, постройки на территории частично блестят, частично в руинах. Примерно так сегодня выглядит у нас среднестатистический мужской монастырь. Обителей, где рябит в глазах от золотых куполов и черных риз, — единицы.

— Большинство обитателей современных монастырей составляют насельники и трудники, — говорит отец Варнава. — У нас их человек десять-пятнадцать: число все время варьируется, потому что этот контингент — непредсказуемый.

— В смысле?

Настоятель глубоко вздыхает:

— Знаете, в узких монашеских кругах уже поговорка такая сложилась: раньше в монастырь люди шли, потому

что хотели отречься от мира, а теперь — потому что мир отрекся от них. Есть, конечно, среди насельников и серьезные люди, но в основном — алкоголики, наркоманы, бывшие и не очень. Кто-то искренне хочет укрепиться духом, а кому-то — лишь бы перезимовать. Это проблема всех монастырей в России. Поначалу игумены, следуя христианскому духу, принимали у себя сирых и убогих без разбору. Но очень скоро стало ясно, что ради безопасности братии придется выбирать.

Слова отца Варнавы красноречиво подтверждает криминальная хроника. Нападения трудников на монахов стали уже общим местом. Вот лишь последний случай. 2 января этого года двое подростков из деревни Волобуево Курской области по пьяни убили отшельника местного скита Свято-Николаевского монастыря. За несколько часов до совершения преступления они пришли к насельнику того же монастыря, раздавили бутыль самогона, а потом от нечего делать стали ломиться в монашеский скит. Иеромонах Ефрем открыл дверь, терпеливо выслушал бессвязные речи непрошеных гостей и лишь когда они начали грязно материться, сделал им замечание, за что и был убит.

— Мы теперь поступаем вот как, — продолжает отец Варнава. — Монастырские ворота открываем всем. Накормим, обогреем, побеседуем, а если гость пришел под вечер, то дадим переночевать. Дальше смотрим по обстановке. Если человек действительно пришел спасаться, то оставляем на испытательный срок. И неважно, есть у него паспорт или нет.

Главное — чтобы вера была или хотя бы совесть. Если же нет ни того ни другого, то покупаем билет на ближайший автобус, даем кучу полезных советов и отпускаем с Богом.

Одного из тех, кто пришел без паспорта и остался надолго, мы поймали в столярной мастерской. «Поймали» — потому что вся братия при слове «журналист» разбегается. Говорят, недушеспасительное это слово. Разговаривать с нами трудник Сергей начал лишь после того, как фотограф молча помог ему распилить кусок оргстекла. Молчание здесь вообще очень ценится. На каждый наш вопрос Сергей отвечал сначала красноречивым молчанием и лишь потом, улыбаясь хитрой улыбкой, говорил — коротко и непонятно.

— Кем вы были раньше?

— …Не помню :)

— А где учились мастерству?

— …Мастерству? Какому мастерству? :)

Мы бы поверили скромности собеседника, если бы не видели деревянное распятие в Троицком храме, сделанное его руками.

— Зачем нужны монастыри?

— …А что вы предлагаете? :)

У него красивое, редкое лицо с глубокими благородными морщинами вечнотрезвого человека. Мы от таких лиц уже отвыкли.

— Мечтаете стать монахом?

— …Я не достоин :)

Тут вдруг Сергей стал предельно серьезным:

— Чина расстрига не бывает. Монах, ушедший из монастыря, — грешник на всю оставшуюся жизнь. Зачем мне это?

Снова келья настоятеля. Между нами — монитор компьютера. Отец Варнава то и дело заглядывает в Яндекс, чтобы уточнить свой ответ на мой вопрос.

— Все современное монашество фактически сформировалось в 90–е годы. Ведь к началу перестройки на территории России было всего два действующих монастыря. А теперь — только в одной Нижегородской епархии их семь. Все худо-бедно восстанавливаются, и вроде бы надо этому радоваться. Но не получается.

— Почему?

— Знаете, есть такая православная поговорка: церковь не в бревнах, а в ребрах. Христианская жизнь созидается прежде всего в сердце человеческом, а не в стенах отреставрированных храмов и монастырей. Эпоха патриарха Алексия была временем возрождения церковной жизни и в бревнах, и в ребрах. Монастыри стали наполнять ревностные люди. Многие потом отпали, будучи не в состоянии справиться со своей ревностью, которая оказалась разновидностью гордыни. Но многие остались и стали ядром монастырской жизни. Их очень легко отличить от тех, что пришли потом, в 2000–е годы. Во-первых, новеньких гораздо меньше, а главное — в массе своей это уже совсем другие люди. В них больше не ревности, а теплохладности.

Отец Варнава имеет в виду слова из Откровения апостола Иоанна Богослова: «…Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». Сам Варнава, похоже, тоже из поколения «горячих». Биография для тех лет типичная: закончил пединститут, работал в школе, начал восстанавливать храм, стал его настоятелем, принял монашество, год духовно укреплялся в Троице-Сергиевой лавре, направлен поднимать из руин далекий провинциальный монастырь.

— Эта теплохладность стала проникать в церковь по мере того, как жизнь в стране становилась более сытой, — продолжает настоятель. — Люди начали выбирать «необременительное православие», а по сути — отходить от веры, но не идеологически, а практически. Я наблюдаю это даже на примере своих духовных чад.

— Может, с наступлением кризиса ситуация изменится?

— Я очень надеюсь на это. Сытое брюхо к учению глухо. В последние годы жизни патриарх Алексий часто говорил о «духовном созидании». Многие, наверное, считали это просто какими-то дежурными словами и пропускали их мимо ушей. А между тем это и есть главный вызов современному православию. Церковь остывает. Души людей обмирщаются. Сейчас главное — не погрязнуть в бревнах и решать проблему ребер, вдохнуть в церковную жизнь новый импульс, стать ближе к душам людей. Иначе православие выродится в этнологический термин.

— И как это сделать? Больше молиться или карабкаться на светские баррикады?

— Молитва, конечно, прежде всего. Но и активная гражданская позиция — без этого современной церкви уже нельзя. Слишком далеко зашел процесс деградации людей. Это вовсе не значит, что надо погрязнуть в политических дрязгах. Но существуют вопросы, по которым мы не имеем права молчать. Ведь народ — он в попечении и у государства, и у церкви. Разница лишь в том, что с нашего сословия после смерти спрос будет гораздо строже.

Священник: «Мы замыкаемся в церковной ограде»

Я делю делю свою паству на три условных категории: прихожане, захожане и проезжане, — мы с отцом Сергием Дмитриевым кружим по его приходу, расположенному в спальном районе Твери. — Прихожане — постоянные, активные члены церковной общины, таких у нас человек двести. Захожан, посещающих церковь время от времени, наберется несколько тысяч. А вот там, — отец Сергий машет рукой в сторону проплывающих за окном особняков, — гнездятся проезжане. В церковь они практически не ходят, но исправно крестятся на нее из салонов своих «лексусов».

Старенькая «Волга» с православным крестом на заднем стекле жалобно кряхтит, подпрыгивая на обледеневших рытвинах.

— Ездит — и ладно, — как будто прочитав ход моих мыслей, внезапно говорит отец Сергий. — Это подарок приходу от местного вагонозавода. Многие священники, особенно молодые, не понимают, что служитель церкви должен учитывать финансовое положение прихожан. Конечно, в Москве, где все разъезжают на иномарках, и священник может позволить себе хорошую машину. Но у нас в Твери это только вызывает у людей раздражение — кто будет после этого слушать твои проповеди о бессребреничестве и нестяжательстве?

Вот деревянный храм во имя Серафима Саровского. Его построили совсем недавно, но он уже дважды горел. Один раз прихожане сами забыли свечку потушить, а в другой его сатанисты подпалили за то, что церковь выросла рядом с заброшенным кладбищем, где они привыкли тусоваться. После этого было решено храм обложить кирпичом, чтобы труднее было поджечь, а заодно наладить отношения с местными милиционерами. Уже в этом году планируется заложить еще один храм — рядом с учебным центром областного УВД.

— Слева от входа будет стоять БТР, а справа — церковь. Для симметрии, — шутит священник.

Всего же в небольшом приходе отца Сергия уже пять храмов, правда два из них — просто небольшие помещения в зданиях детского сада и больницы.

— Число церквей неуклонно растет, — рассказывает наш собеседник. — В начале 90–х у нас на всю Тверь была одна-единственная действующая церковь, и народу в ней всегда было битком. Однако в те времена многие заходили из любопытства и ненадолго.

Отец Сергий в те времена и сам был таким. Правда, со временем его любопытство переросло в крепкую веру, а семь лет назад он, оставив пост заместителя главы Пролетарского района по экономике, принял монашеский постриг. Говорит, что опыт прежней работы помогает лишь в одном — умении вести церковную бухгалтерию. Другие тверские священники добавляют к этому списку хорошие связи и имидж человека, который может позволить себе говорить все, что думает.

«Волга» тормозит между унылых многоэтажек у здания типичного советского детсада. Во дворике прогуливаются молодые мамы и бабушки.

— Говорят, ваших детей тут регулярно причащают и рассказывают им про Бога. Вам это не мешает? — обращаемся мы к родительницам.

— Почему же это должно нам мешать? — отвечает за всех Вера Александровна, выгуливающая румяного трехлетнего крепыша. — Во-первых, это не обязаловка, а во-вторых, церковь — лучшая страховка от той грязи, которая льется из телевизора и со двора, — услышав последние слова, окружающие мамы согласно закивали. — Мой-то Степа еще маленький, но мы его с будущего года обязательно именно сюда отдадим.

Храм в детском саду маленький, но светлый. Большие окна, по углам горшки с фикусами, в церковной лавке помимо обычных свечек и календариков с ликами святых — книга «Как правильно хвалить ребенка» и другая педагогическая литература. В кабинете отца Сергия два купленных на гранты компьютера. На экранах заставка «Слава Богу за все!»

— «Как хвалить ребенка» — важная книга. О радости в церкви вообще нельзя забывать, — убежденно говорит отец Сергий. — Конечно, понятия греха и покаяния очень важны, однако сердце праведника полно радости, и я стараюсь напоминать об этом своим прихожанам.

Внезапно раздается звон колоколов — это мобильник отца Сергия.

— Мне пора на совещание. Вечером милости прошу на литургию в наш центральный храм микрорайона. А пока можете сходить в клуб «Сеятель» — посмотрите на наше детище.

Идем. Клуб, расположенный в непрезентабельной пристройке к типовой многоэтажке, встречает нас объявлением: «Молодежный православный клуб “Сеятель” приглашает на занятия: резьба по дереву, коклюшечное кружевоплетение, военно-исторический клуб “Тверской стрелец”, музыкальная студия, хор, фортепиано». Занятия бесплатные, а точнее — по принципу «сколько не жалко». Внутри просторно и опрятно. С потолка на ниточках свисают бумажные ангелочки, по стенам фотографии крестных ходов и веселой ребятни в летних лагерях. Под огромным гобеленом с ликом спасителя сидят два готического вида тинейджера — Нина и Оксана. В руках гитары. Неподалеку настраивает свой «стратакастер» их учитель — Петрович, в прошлом известный всей Твери рокер.

— В этом городе половина рок-групп — мои ученики, — с гордостью говорит Петрович. — А вот хорошие девчонки — недавно пришли.

Нина и Оксана, смущаясь, прячутся за вороными челками.

— Вы верующие? — спрашиваем мы их.

— Нет, — фыркают подростки.

Никого это не коробит. Вера для «Сеятеля» — не пропуск, но стремление.

На литургию отправляемся в храм во имя блаженной Ксении Петербуржской. День сегодня рядовой, поэтому в церкви немноголюдно: пять старушек, четверо взрослых и три подростка в дутых куртках. Наше разочарование не остается незамеченным отцом Сергием.

— Да, несмотря на то что крещеных у нас год от года все больше, многие бывают в церкви лишь на крещение

и отпевание. Но это не их проблема, это наша проблема, проблема пастырей, — горячится священник. — Мы замыкаемся в церковной ограде, забываем про людей. А ведь сказано: «Идите и проповедуйте!» Община и общение — фундаментальные понятия для церкви. И для того, чтобы достучаться до людей, мы должны использовать все возможности: прессу, школу, интернет, телевидение.

Отец Сергий исчезает за иконостасом. Через мгновение он появляется в золотом облачении и по храму разносится его уверенный баритон: он молится за новоизбранного патриарха.

Мирянин: «Где взять горящего человека?»

До последнего времени каждую зиму в Москве замерзали насмерть несколько сот бомжей. Государство не ведет с ними практически никакой работы. Церковь — пытается. Уже несколько лет каждую зимнюю ночь по городу ездит автобус, который собирает замерзающих бродяг. Что-то вроде гибрида передвижного медпункта и ночлежки.

— Вставай, милосердие пришло. Давай, пошевеливайся.

Все московские бомжи давно знают, что такое «Милосердие», и не сопротивляются. К ребятам в синих телогрейках и белых респираторных масках на вокзалах уже привыкли все, даже милиция. Бездомные заранее знают, когда и куда приедет автобус, — толпятся, надеются в него попасть. Но на всех места не хватает, поэтому берут только тех, кому реально грозит смерть. Это самая неприятная часть работы — выбирать, кого спасти, а кого оставить.

В автобусе человек может погреться, поспать, поесть «роллтона», получить простейшие лекарства. Если же случай тяжелый, вызывают «скорую», хотя обычно стараются подождать до утра, когда можно будет отвезти больного в приемник, отмыть его и продезинфицировать. Без этого врачи «скорой», скорее всего, откажутся взять человека — а могут и выбросить на полпути обратно на улицу.

Служба существует на гранты и пожертвования. В бригаде три фельдшера и водитель. Работа сменная: ночь через две. Зарплата 12 тысяч в месяц. Желающих, как ни странно, много: кандидаты проходят строгий отбор.

— Я не был никаким православным. Лежал на диване, пил пиво, смотрел телевизор, — рассказывает 22–летний Миша. — Увидел репортаж про автобус. А в жизни надо было что-то менять — момент такой был. Ну, я и решил присоединиться. Меня пугали, показывали фотографии людей с гнилыми ногами, говорили, что их надо будет мыть, перевязывать. Но я все равно решил попробовать. Первые две недели после работы пил, как пожарник. А теперь нашел другие способы расслабиться — хожу в театр, в оперу. Иногда беру с собой бомжей.

Сейчас Миша — студент православного вуза. В какой-то момент он понял, что автобуса ему мало. И сделал что-то вроде маленького приюта для бездомных у себя на даче.

— Я кого попало не беру — там знаете сколько криминала! У меня живут приличные бомжи: убирают снег, играют в лото. Есть даже одна женщина с детьми.

Нетрудно догадаться, что у Миши много проблем с соседями по поселку и с милицией. Но, поскольку приют неформальный, ему это пока сходит с рук.

— Конечно, стране необходим настоящий, большой православный приют для бездомных. Но для этого нужно помещение, нужны деньги и, главное, человек, который горел бы этой идеей. Сейчас такого человека у нас нет.

По статистике организации «Врачи без границ», бездомных в Москве около 75 тысяч. Государственных служб, которые ими занимаются, в нашей православной стране крайне мало: в Москве есть несколько муниципальных ночлежек, но, как это ни смешно, туда принимают только бомжей со столичной пропиской. Получается, работа «Милосердия» почти бессмысленная: утром бродяг приходится оставлять на улице, а вечером — снова спасать.

«Как вы стали бомжом?» — «Ну, это долгая история…

Потерял работу — запил — жена выгнала из дома»… Цепь случайностей плюс жизненный катаклизм.

«Как вы стали православным? Чем раньше занимались?» — «Не помню, не хочу рассказывать».

Бомжей и православных соцработников объединяет какой-то важный экзистенциальный опыт, остальным людям неведомый. Многие пришли работать в церковь, когда сами были в шаге от бомжевания. И именно это дает им силы делать тяжелую и почти бессмысленную работу за смешные деньги.

«В бомжах получает иллюстрацию наша эпоха, захлебнувшаяся свободой, — пишет в православной многотиражке руководитель и создатель автобусной службы Илья Кусков. — Возможность идти только туда, куда хочется, жить без расписания, без работы, без ответственности перед семьей становится для человека наркотиком. Вы можете дать бомжу деньги для того, чтобы он добрался до дома, сопроводив милостыню подробными рекомендациями, предоставить ему рабочее место и постоянный ночлег — в 9 из 10 случаев он уйдет бродить, а деньги пропьет. Поэтому вытащить подобного человека из его ситуации практически невозможно».

И все же что-то иногда удается — например, перехватить человека на переломном этапе. Если он остался без документов, социальные работники из церкви помогут ему получить справку, связаться с родственниками. Несколько суток подряд в автобусе ночевал дедушка, потерявший память: автобусники выяснили, что он из Ульяновска, попытались найти там концы. Летом работала почти гротескная программа по «трудотерапии»: бомжи убирали городские парки, получая за это все необходимое. Категорическое условие — быть трезвыми на протяжении всего рабочего дня. Правда, у посетителя одного из парков кем-то из бездомных были похищены важные вещи, но другие бомжи их нашли и вернули.

Вера без дел мертва — об этом помнят все добровольцы «Милосердия». Эта фраза запоминается легко. Главное — постараться как можно скорее забыть о другом: этот автобус — ЕДИНСТВЕННЫЙ. Во всей Москве. Во всем государстве.

Двадцать первый век. Россия. Православная страна.

Юлия Вишневецкая, Дмитрий Великовский, Дмитрий Соколов-Митрич

Автор: Артур Скальский © Русский репортер РЕЛИГИЯ, РОССИЯ 3104 07.02.2009, 12:16 147
URL: https://babr24.com/?ADE=50612 Bytes: 19926 / 19890 Версия для печати

Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:
- Телеграм
- ВКонтакте

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур Скальский**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

Соглашение о франчайзинге

Что такое Бабр24

Вакансии

Статистика сайта

Архив

Календарь

Зеркала сайта